

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

УДК 821.161.1-32(Платонов А.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,44

Е. Н. Проскурина
Новосибирск, Россия

РАССКАЗ А. ПЛАТОНОВА «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»: ДУХОВНЫЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

Аннотация. Предмет данной работы — христианская традиция в творчестве Платонова. Цель работы — показать непрерывность отношения писателя с православием, несмотря на его богоборческие настроения, особенно активные в раннем творчестве. Если для раннего периода и периода 1930-х гг. данная проблема может быть проанализирована в аспекте притяжения–отталкивания, то творчество Платонова военного времени показывает близость к традиции отцов не только на уровне памяти жанра, но как активное авторское переживание. В статье исследован рассказ А. Платонова «Взыскание погибших» в духовном и автобиографическом контексте. На основе интертекстуального и мотивного анализа продемонстрированы межтекстовые пересечения текста рассказа с письмами Платонова военного периода. Проводится концептуальное положение, что создание рассказа связано с замыслом Платонова написать «повесть о сыне», чему послужила ранняя смерть его сына Платона. Показано усиление христианской доминанты творчества писателя в военной прозе. Сделан вывод о беспрецедентной для творчества Платонова густоте новозаветного слоя в поэтике рассказа «Взыскание погибших». Результаты работы могут использоваться при изучении творчества А. Платонова в старших классах общеобразовательной школы и при чтении курса литературы XX века в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: военная проза А. Платонова, рассказ «Взыскание погибших», письма Платонова, историческая память, христианская традиция в литературе.

E. N. Proskurina
Novosibirsk, Russia

SHORT STORY «THE SEEKER OF THE LOST» BY A. PLATONOV: SPIRITUAL AND AUTOBIOGRAPHICAL CONTEXTS

Abstract. The subject of the article is the Christian tradition in the works by Platonov. The purpose is to demonstrate the continuity of the author's attitude to Orthodoxy despite his god-fighting frame of mind particularly active in the early period of the author's work. While for the early and 1930-s periods this issue can be analyzed through attraction-repulsion, Platonov's work of the wartime period reveals his kinship to the fathers' tradition not only on the genre memory level but also as the author's active emotional experience. The article examines a short story «The Seeker of the Lost» by A. Platonov within the spiritual and autobiographical contexts. On the basis of the inter-textual and motif analysis the article demonstrates the textual intersections between the short story and Platonov's letters of the wartime period. The conceptual point is stated that the creation of the short story was connected with Platonov's intention to write a «tale about a son» backgrounded by the early death of his son Platon. The intensification of the Christian dominant in Platonov's wartime prose is shown. It is concluded that in the poetics of the short story «The Seeker of the Lost» the New Testament layer gains an unprecedented intenseness. The results of the investigation can be used during the study of the works by A. Platonov in high school or in the course of literature of the XX century for university students.

Keywords: wartime prose by A. Platonov, short story «The Seeker of the Lost», letters by Platonov, historical memory, Christian tradition in literature.

Отношения А. Платонова с христианской традицией — одна из актуальных проблем в изучении творчества писателя, входящая в проблемное поле духовно-исторической памяти народа. Отмеченная в критике еще при его жизни [Гурвич 1937] и представленная в современном платоноведении в ряде работ ученых [см, напр.: Антонова 1995; Касаткина 1995; Ливингстон 2000; Проскурина 2001; Любушкина 2005], она во многом еще ждет своего детального исследования. Если для раннего периода и периода 1930-х гг. данная проблема может быть проанализирована в аспекте притяжения–отталкивания², то творчество Пла-

тонова военного времени показывает близость к традиции отцов не только на уровне памяти жанра, но как активное авторское переживание.

Хотя, на наш взгляд, живое отношение с православием сохранялось у Платонова и в довоенном творчестве, особенно в раннем, когда религия и революция сливаются в сознании юного писателя в некое единство³. Ярче всего о религиозном отношении Платонова к Октябрьской революции свиде-

природа», горькое признание: «Отчего так тяжело? Отчего от пустяка возможна катастрофа всей моей жизни? Господи Боже мой! Если бы Ты был, был, был, каким я знал Тебя в детстве? Этого нет, этого нет. Это я знаю наверное. Наверное» [Платонов 2004: 492]. Словесные повторы, содержащиеся в последней записи, свидетельствуют об остроте переживания писателем своей духовной драмы.

³ Любопытное подтверждение данного положения можно увидеть в церковной метрической книге, содержащей запись о крещении сына писателя Платона, состоявшееся в день Октябрьской революции, 7 ноября 1922 г. [Андрей Платонов. Личное дело 2013: 93].

* Исследование подготовлено в рамках проекта ПФИ СО РАН № П.2П /ХП.192-1. Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты).

² В семейном архиве Платонова исследователи нашли фрагмент листа с записью: «Одно у меня достояние — православная вера», в другом месте, на оборотной стороне незавершенного эссе со знаковым названием «Железная

тельствует его публицистика. В ней уже на уровне названия статей символизирована освященность революции именем Христа: «Христос и мы», «Да святится имя твое», «Душа мира», «Белые духом». В религиозных категориях он не раз манифестирует наступление новой эры, находя аналогии между евангельскими микросюжетами и современностью, часто оправдывая ими жестокость революции:

«Души людей помертвели и руки опустились у всех от ожидания веками царства Бога. И забыт главный завет Христа: царство божие усилием берется.

Усилим, борьбой, страданием и кровью, а не покорностью, не тихим созерцанием зла. Бичом выгнал Христос торгующих из храма, рассыпал по полу их наторгованные гроши.

Свинцом, пулеметами, пушками выметаем из храма жизни насильников и торгашей мы» [Платонов 1990: 51].

Один из наиболее показательных примеров православного «душеустройства» (А. Гурвич) Платонова — предшествующий сцене расстрела «буржуев» в «Чевенгуре» эпизод с поминальной книжкой, в которой перечислены имена поминаемых «о упокоении» и «о здравии». Такие именны книжки, куда вписывались имена усопших или живых родственников молящегося, еще до недавнего времени хранились в церкви и передавались священнику для называния имен при совершении проскомидии (сейчас их заменили записки соответствующего назначения). У Платонова поминальные книжки читают чекисты:

«О упокоении рабов божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Маркария и всех родственников».

О здравии — Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасии со чадами и всех сродственников и болящего Андрея»

— Со чадами? — переспросил Пиюся.

— С ними! — подтвердил чекист» [Платонов 1991: 230].

Обращает на себя внимание абсолютное соответствие формального содержания поминальной книжки в романе православной церковной традиции. По свидетельству воронежского исследователя О. Ю. Алейникова, показательны и вписанные в нее имена: «Многие из них были настолько дороги Платонову, что едва ли следует считать случайным порядок их отбора. В частности, в записи об упокоении значатся Фирс, Василий и Константин. Фирсом звали деда писателя по отцовской родовой линии (Климентовых). Василием — по материнской (Лобочихиных). Константин Васильевич Лобочихин ... приходился Андрею Платонову родным дядей ... в перечне "о здравии" названы Мария, Петр, Андрей — имена матери писателя Марии Васильевны, его брата, Петра Платоновича Климентова. В этом же ряду — полупечатное при крещении имя самого создателя романа: в годы Гражданской войны будущий прозаик тяжело болел, поэтому понятен смысл добавленного к имени Андрей эпитета "болящий"» [Алейников 2013: 132-133]. Расшифровка других имен из приведенного перечня — дело исследовательского будущего. По всей вероятности, Платонов встроил в сюжет своего романа родовую драму Лобочихиных-Климентовых, о чем

свидетельствует карандашная запись на соответствующей странице рукописи: «Мама, помоги мне вспомнить» [Алейников 2013: 133]. Таким образом, за внешне ироническим описанием сцены скрыт внутренний авторский порыв поминовения живых и умерших родных.

«Поминальная книжка» в варианте «поминальных листков» вновь появится в повести «Котлован» — в деревенской части: в сцене на Оргдворе:

«Вынув поминальные листки и классово-расслоенную ведомость, активист стал метить знаки по бумагам; а карандаш у него был разноцветный, и он применял то синий, то красный цвет, а то просто вздыхал и думал, не кладя знаков до своего решения. Стоячие мужики открыли рты и глядели на карандаш с томлением слабой души...» [Платонов 2000: 83].

Внутреннее напряжение, с которым следят за действиями Активиста мужики, говорит о том, что речь идет не о простой бумаге, а о документе, решающем их участь. О важности, ритуальности совершаемого свидетельствует также высокая стилистика, в контексте которой канцелярские жесты Активиста приобретают значение магических действий: он не просто делает отметки в «поминальных листках», но «кладет», «метит знаки по бумагам». Можно предположить, что красный карандаш, которым Активист помечает имя деревенского жителя, означает обещание будущей, колхозной жизни ценной отката от прежнего жизнеустройства, синий же используется для «ликвидации». Не случайно избрание вступления в колхоз сопровождается рядом знаковых жестов, таких как *прощание*, *просьба о прощении*, *последнее целование*, традиционных для православного обряда похорон, а также для Чина Прощения, совершаемого один раз в году в канун Великого Поста, в Прощеное Воскресенье:

«— Готовы, что ль? — спросил активист.

— Подожди, — сказал Чиклин активисту. — Пусть они попрощаются до будущей жизни.

Мужики было приготовились к чему-то, но один из них произнес в тишине:

— Дай нам еще одно мгновенье времени!

И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

— Прощай, Егор Семеныч!

— Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости.

Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста грустно и дружелюбно целовали каждого.

— Прощай, тетка Дарья; не обижайся, что я твою ригу сжег.

— Бог простит, Алеша, — теперь рига все одно не моя.

Многие, прикоснувшись взаимными губами, стояли в таком чувстве некоторое время, чтобы навсегда запомнить новую родню, потому что до этой поры они жили без памяти друг о друге и без жалости.

— Ну, давай, Степан, побратаемся.

— Прощай, Егор, — жили мы люто, а кончаемся по совести» [Платонов 2000: 86-87].

Эта обрядовая атмосфера знаменует окончание традиционного круга жизни. Колхозная предстает

пространством смерти, что в тексте выражено мотивами *праха, пустого сердца* и др.:

«После целования люди поклонились в землю — каждый всем, и встали на ноги, свободные и пустые сердцем.

— Теперь мы, товарищ актив, готовы, пиши нас всех в одну графу.

<...>

— Хорошо вам теперь, товарищи? — спросил Чиклин.

— Хорошо, — сказали со всего Оргдвора. — Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах остался» [Платонов 2000: 87].

В связи со сказанным не бездоказательным является положение исследователя о догматическом сознании Платонова [Антонова 1995]. Все более отчетливо оно проявляется в творчестве писателя, начиная со второй половины 1920-х гг. В качестве точки отсчета можно определить повесть «Сокровенный человек» (1927), в названии которой скрыта цитата из Первого послания апостола Петра: «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (1 Пет. 3: 4). Это время духовного трезвения писателя, в ранний период творчества претерпевшего сильнейшее искушение революционной идеей мирового передела.

Особой одухотворенностью отмечено творчество Платонова периода Великой Отечественной войны, что показывают названия таких его произведений, как «Неодушевленный враг», «Одухотворенные люди», «Божье дерево». Показательно, как менялось название рассказа «Одухотворенные люди», публиковавшегося под заглавиями «Слава», «Одушевленные люди», «Бессмертный подвиг моряков» [Андрей Платонов 2013: 512]. Под названием «Реквием» рассказ упоминается в характеристике А. Платонова от 19 сентября 1942 г., представленной Военной комиссией ССП в ГлавПУКРРА» [Андрей Платонов 2013: 513]. Название «Одухотворенные люди», закрепившееся за рассказом, звучит утверждением богодуховенности подвига советского воина.

В наибольшей степени связь с православной традицией отражена в заглавии рассказа «Взыскание погибших», для которого Платонов использует название иконы Богородицы, известной на Руси с XVIII в. и прославившейся многими чудесами. Кроме заглавия, обращает на себя внимание предпосланный рассказу эпиграф: «Из бездны зываю», под которым стоит подпись: «Слова мертвых». За ней скрыт источник цитаты, каковым является 129 псалом: «Из глубины зываю к Тебе, Господи, Господи, услышь глас мой» (Пс. 129: 1). Это один из покаянных псалмов, читаемых в православной церкви на вечернем богослужении, а в западной христианской традиции являющийся основополагающей частью заупокойной службы — реквиема («De Profundis»). Таким образом, в рассказе возникает новый план — молитвенный: от лица всех погибших на войне, зывающих к милосердию живых, и от лица матери, потерявшей своих детей и живущей «остатком слабой души» в надежде скорой встречи. Называя героиню Марией Васильевной — именем своей матери, — Платонов предельно сближает биографию собственной семьи с общей драмой страны. Не

случайно впервые рассказ был опубликован под названием «Мать» с подзаголовком «Взыскание погибших». В соотнесенности с названием рассказа в семантике имени Мария появляются богородичные обертонны, связывающие платоновский сюжет со страстным евангельским сюжетом, а также с апокрифом «Хождение Богородицы по мукам». Образ матери, потерявшей своих детей, возводится к образу Девы Марии как высочайшему образцу жертвенного материнства. В изображении ее мертвых детей, которые лежат в могиле «нагие ... умерщвленные, поруганные и брошенные в прах чужими руками» [Платонов 1985: 106], собраны характеристики, соотносящие их образ с образом Распятого Христа. Так, наряду с мотивом *материнской скорби*, в текст рассказа автором вводится мотив *ненапрасной жертвы*. Как *жертва за мир* он зазвучит в последних строках произведения: «Нужно ... суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле ... Мертвым некому довериться, кроме живых, — и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель» [Платонов 1985: 108].

Плач матери у креста на могиле детей: «Были бы вы живы, сколько бы работы поделали, сколько судьбы испытали! А теперь, что ж, теперь вы умерли, — где ваша жизнь, какую вы не прожили, кто проживет ее за вас? ... Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло, но, значит, мало было одного сердца моего и крови моей, раз вы умерли...» [Там же: 106] — генетически восходит к плачу Богородицы у Креста:

О свете пресветлый, Заря присносущная,
Где Твоя зайде красота, светолучная не вечерняя,
Добровидный Сыне мой, сладчайшая доброта,
Где Твой вожделенный лица зрак, краснейший
Свете мой... [Плач Богородицы].

В иконографическом плане эпизод соотносится со сценой оплакивания Христа — в православной традиции это иконографическая композиция «Нерыдай Мене Мати», представляющая Богородицу рядом с обнаженной фигурой Спасителя, лежащего во гробе на фоне Креста⁴.

У биографического сближения образа матери с образом Богородицы есть и реальные основания: рассказ был напечатан в газете «Красная Звезда» осенью 1943 г., а в начале января того же года умер сын писателя Платон. То есть в образе своей скорбящей героини Платонов объединил и собственную скорбь по умершему сыну, и скорбь своей жены, тоже носящей имя Мария. Симптоматично ее молчание на частые письма Платонова, посылаемые с фронта после смерти сына. Свое немотство Мария Александровна объясняет в приписке к письму Платонова их общим друзьям Вьюрковым: «Привет вам, дорогие! Не сердитесь на меня, я никому не пишу, я только начинаю

⁴ В иконографии западного христианства тело мертвого Христа лежит на коленях склонившейся над ним Богородицы (пята). Из этого сопоставления видно, что платоновская сцена у могилы ближе к восточной иконографии, хотя и не дублирует ее.

замечать, что светит солнце и люди живут» [Андрей Платонов 2013: 548]⁵. Мать писателя Мария Васильевна умерла в 1929 г.; возможно, именно этим определяется выбор ее имени, а не имени жены Марии Александровны для именованной героини рассказа, умирающей на могиле своих детей.

Образ сыновней могилы сопровождает все письма Платонова Марии Александровне с фронта, написанные после смерти Платона: «... думаю о тебе и о могиле на кладбище. Поцелуй землю на его святой могиле за меня» (24 мая 1943 г.); «Поцелуй за меня могилу в изголовье нашего святого сына» (28 мая 1943 г.); «... я так тоскую о холмике земли на Армянском кладбище. Когда я еще буду там — я сам не знаю» (6 июня 1943 г.); «Поклонись за меня могиле моего сына и поцелуй за меня землю на ней. <...> Поставь от меня цветок на могилу сына и скажи ему, что я его люблю все больше и больше» (8 июня 1943 г.); «Ты, наверно, часто ходишь на могилу к сыну. Как пойдешь, отслужи от меня панихиду в его вечную святую память. <...> Я знаю, как тебе трудно, знаю, что ты плачешь о нашем сыне. Я здесь вижу его часто во сне и просыпаюсь в слезах» (10 июня 1943 г.); «Завтра воскресенье и Троицын день. Ты, конечно, пойдешь к нашему сыну, поцелуй его землю в изголовье, скажи, что я люблю его больше всего на свете» (12 июня 1943 г.); «Поцелуй изголовье его могилы. Скажи ему, что я скоро приду к нему и поклонюсь ему» (24 июня 1943 г.); и т.д. и т.д. Мотив поклонения умершему сыну как святому пронизывает все посвященные ему фрагменты писем Платонова, что связано с мученическим путем школьника-арестанта, чудом выжившего в лагере, но получившего там туберкулез, от которого он очень скоро умирает. В сознании Платонова арестантская судьба и ранняя смерть сына становятся эмблемой общей судьбы людей его поколения, в которое частью входит военное поколение: «Я хотел прислать сыну цветок, который я взял с могилы вблизи передовой, чтобы ты посадила его на могиле нашего сына, но нельзя его и не с кем переслать, и он вовсе засох у меня» (30 июля 1943 г.). А в одном из писем 1942 г., еще до смерти сына, Платонов пишет жене: «В десятых числах сентября я, видимо, поеду на воронежское направление, как военный корреспондент... Посмотрю, что стало с моей родиной. Схожу на могилы, поплачу надо всеми мертвыми» (30 августа 1942 г.). Здесь в едином поминовении соединены поколения мертвых родственников, погибшие в революцию и на войнах родные, близкие и чужие.

В 1943 г. Платонов задумывает повесть о сыне: «В день приезда сразу же пойдем к Тоше на могилу. Моя новая повесть, которую я тут обдумал, будет посвящена поклонению умершим и погибшим, а именно посвящение будет моему сыну. Я задумал сделать героем жизни мертвого человека, на смерти которого держится жизнь. Кратко трудно сказать, как это получится, но, думаю, эта вещь выйдет у меня: у меня хватит сердца и горя. <...> как мне охота возможно скорее написать повесть, посвященную сыну. Я ее хочу напечатать в “Красной звезде”» (1 июля 1943 г.).

Можно полагать, что рассказ «Взыскание погибших», опубликованный именно в этом издании, — часть платоновского замысла. Повесть о сыне осталась, по видимому, нереализованным намерением писателя, рассредоточившимся по многим его произведениям. Так, например, в пьесе «Ученик лица», создававшейся в 1947–1948 гг., есть пронзительный эпизод: исповедь нищей Феклы, живущей при могиле сына, замученного бесчеловечной властью. Беседа Александра с Феклой, рассказывающей ему о своей жизни на сыновней могиле, убаюкивании его детскими колыбельными «на долгую ночь», может дать представление о силе скорби самого Платонова по безвременно погибшему сыну. Его душа, подобно душе нищей Феклы, живет при могиле Платона⁶. Но еще ранее в рассказе «На могилах русских солдат», написанном на документальной основе (1944 г.), появляется образ скорбящей матери, поющей песню на могиле сына, что придает ей (песне при могиле) мотивное звучание:

«В сумерки на пустынное военное кладбище бывшего шта-лагеря № 352 пришла одинокая женщина. Она опустилась на колени возле могилы, на которой была доска с именами погребенных.

Женщина вначале была безмолвной, а потом стала петь колыбельную своему сыну, спящему здесь, на грядущую, вечную ночь» [Платонов 1985: 139].

Мотив *вечной ночи*, инверсирующий мотив *жизни вечной*, отражает здесь крайнюю степень материнской скорби.

Вместе с тем, финал рассказа своим пафосом ненависти к врагу и жадной мщенической соотвествует социальному заказу. Не случайно образ скорбящей матери претворяется здесь в образ Родины — параллель, характерная для всей советской литературы военного времени:

«Трудно утешить эту женщину и нашу общую мать — Родину. Но наша любовь к своему живому народу и наша память о мертвых и замученных обращена яростью и мщением к убийце-врагу, она действует огнем и оружием. Наша ненависть к противнику питается нашей любовью к своему народу, и поэтому наша энергия мщеничества неистощима» [Платонов 1985: 139].

По сравнению с финалом данного рассказа, финал «Взыскания погибших» носит более интимный характер, больше напитан скорбью личной утраты.

Образ цветка, прорастающего из каменистой почвы и вмещающего в себя тайну жизни, в рассказах «Безымянный цветок» и «Цветок на земле» также соотносится с цветком из приведенных выше писем Платонова, становится символом торжества жизни и Воскресенья. В одном из писем жене он признается: «Для меня мертвый Тотик — все равно вечно живой» (24 мая 1943 г.).

В финальной сцене «Взыскания погибших» вновь усиливается сближение образа скорбящей матери с образом Богородицы, на этот раз в красках иконографии «Успения»:

⁵ Далее письма Платонова цитируются по данному изданию.

⁶ На связь «Ученика лица» с замыслом Платонова написать произведение о сыне указывают в своей статье Н. П. Хрящева и К. С. Когут [Хрящева, Когут 2015].

«Возле креста, связанного из двух ветвей, красноармеец увидел старуху, прикинувшую к земле лицом. Он склонился к ней и послушал ее дыхание ... «Ее сердце ушло, — понял красноармеец и покрыл утихшее лицо покойной чистой холстинкой ... — Ей и жить-то уж нечем было» ...

— Спи пока, — вслух сказал красноармеец на прощанье. — Чьей бы ты матерью ни была, а я без тебя тоже остался сиротой...» [Платонов 1985: 108–109].

Эпизод содержит множество отсылок к той части богородичного сюжета, которая открывается Распятием: это и скорбь Богородицы у Креста (выше читаем: «Мария Васильевна пришла на место могилы, где стоял крест, сделанный из двух связанных поперек жалобных, дрожащих ветвей⁷. Мать села у этого креста...» [Там же: 106]), и образ Плащаницы, которой апостолы покрыли тело усопшей Девы Марии (чистая холстинка, которой красноармеец покрывает «утихшее лицо покойной»), и мотив *успения* как символ вечной жизни («спи пока»). Также и чувство сиротства, испытываемое красноармейцем, сходно с тем, которое, по Преданию, охватило апостолов в момент успения Богородицы⁸.

Наверное, трудно найти в творчестве Платонова текст, который, подобно рассказу «Взыскание погибших», на своем небольшом пространстве был бы так густо покрыт новозаветным слоем в его неискаженном, неинверсированном варьировании. В соотносительности с биографической драмой писателя его «страстной» сюжет приобретает особую скорбную пронзительность.

ЛИТЕРАТУРА

Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.

Андрей Платонов «...я прожил жизнь» Письма [1920–1950 гг.]. — М.: Астрель, 2013.

Андрей Платонов. Личное дело. — Воронеж: Дирекция Междунар. Платоновского фестиваля, 2013.

Антонова Е. «Безвестное и тайное премудрости...» (Догматическое сознание в творчестве А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — Вып. 2. — М.: Наследие, 1995. — С. 39–53.

Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. — 1937. — № 10. — С. 195–233.

Касаткина Е. «Преращение вечности времени», или Страшный Суд в котловане (Апокалиптическая тема в повести «Котлован») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — Вып. 2. — М.: Наследие, 1995. — С. 181–190.

Ливингстон А. Христианские мотивы в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — Вып. 4. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — С. 556–561.

Любушкина М. Библия в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — Вып. 6. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 354–360.

Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. — М.: Советская Россия, 1985.

Платонов А. Чутье правды. — М.: Советская Россия, 1990.

Платонов А. Чевенгур. — М.: Высшая школа, 1991.

Платонов А. Котлован. Материалы творческой истории. — М.: ИМЛИ РАН, 2000. — С. 21–116.

Платонов А. Сочинения. Научное издание: Т. 1. 1918–1927. Кн. 1. Рассказы. Стихотворения. — М.: ИМЛИ РАН, 2004.

Плач Богородицы. — Режим доступа: http://www.jooov.net/text/116737780/hor_svyato-elisavetinskogo_jenskogo_monastyrya_g_minsk_regent_posl_ushnitsa_irina_denisova-plach_bog.htmls.

Проскурина Е. Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х–30-х годов (на материале повести «Котлован»). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. — Режим доступа:

http://www.verappravoslavna.ru/?Zemnaya_zhiznmz_Bogorodicy#g9.

Хрящева Н. П., Когут К. С. Поэтика тайнописи в пьесе А. Платонова «Ученик лицея» // Вопросы литературы. — 2015. — № 6. — С. 95–119.

REFERENCES

Alejnikov O. Ju. Andrej Platonov i ego roman «Chevengur». — Voronezh: Nauka-Junipress, 2013.

Andrej Platonov. «...ja prozhil zhizn'» Pis'ma [1920–1950 gg.]. — M.: Astrel', 2013.

Andrej Platonov. Lichnoe delo. — Voronezh: Direkcija Mezhdunar. Platonovskogo festivalja, 2013.

Antonova E. «Bezvestnoe i tajnoe premudrosti...» (Dogmaticeskoe soznanie v tvorcestva A. Platonova) // «Strana filosofov» Andreja Platonova: Problemy tvorcestva. — Vyp. 2. — M.: Nasledie, 1995. — S. 39–53.

Gurvich A. Andrej Platonov // Krasnaja nov'. — 1937. — № 10. — S. 195–233.

Kasatkina E. «Prekrashhenie vechnosti vremeni», ili Strashnyj Sud v kotlovane (Apokaliptičeskaja tema v povesti «Kotlovane») // «Strana filosofov» Andreja Platonova: problemy tvorcestva. — Vyp. 2. — M.: Nasledie, 1995. — S. 181–190.

Livingston A. Hristianskie motivy v romane «Chevengur» // «Strana filosofov» Andreja Platonova: problemy tvorcestva. — Vyp. 4. — M.: IMLI RAN, Nasledie, 2000. — S. 556–561.

Ljubushkina M. Biblija v romane «Chevengur» // «Strana filosofov» Andreja Platonova: Problemy tvorcestva. — Vyp. 6. — M.: IMLI RAN, 2005. — S. 354–360.

Platonov A. Sobr. soch.: V 3 t. T. 3. — M.: Sovetskaja Rossija, 1985.

Platonov A. Chut'e pravdy. — M.: Sovetskaja Rossija, 1990.

Platonov A. Chevengur. — M.: Vysshaja shkola, 1991.

Platonov A. Kotlovane. Materialy tvorcheskoj istorii. — M.: IMLI RAN, 2000. — S. 21–116.

Platonov A. Sochinenija. Nauchnoe izdanie: T. 1. 1918–1927. Kn. 1. Rasskazy. Stihotvorenija. — M.: IMLI RAN, 2004.

Plach Bogorodicy. — Rezhim dostupa: http://www.jooov.net/text/116737780/hor_svyato-elisavetinskogo_jenskogo_monastyrya_g_minsk_regent_posl_ushnitsa_irina_denisova-plach_bog.htmls.

Proskurina E. N. Pojetika misterial'nosti v proze Andreja Platonova konca 20-h – 30-h godov (na materiale povesti «Kotlovane»). — Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001.

Skazanija o zemnoj zhizni Presvjatoj Bogorodicy. — Rezhim dostupa:

http://www.verappravoslavna.ru/?Zemnaya_zhiznmz_Bogorodicy#g9.

Hrjashheva N. P., Kogut K. S. Pojetika tajnopisi v p'ese A. Platonova «Uchenik liceja» // Voprosy literatury. — 2015. — № 6. — S. 95–119.

⁷ Мотив *слабой жизни*, звучащий в образе «жалобных, дрожащих ветвей», отсылает как к образу измученного крестоносцем Христа, так и к образу юного страдальца Платона.

⁸ «... радуемся об исполняющемся на Тебе определении Божиим, но и печалимся о том, что остаемся сирыми и здесь уже не увидим Тебя, нашу Матерь и Утешительницу» [Сказания].

Данные об авторе

Елена Николаевна Проскурина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения, ИФЛ СО РАН (Новосибирск).

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

About the author

Elena Nikolaevna Proskurina is a Doctor of Philology, Chief Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).